

УДК 94(47).066
DOI: 10.17223/19988613/47/2

К.А. Петриков

«ИМПЕРАТОРСКОЕ ОБЩЕСТВО»: ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЕКАТЕРИНЫ II И ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В «ТРУДАХ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА»

Рассматривается проблема взаимоотношений между Вольным экономическим обществом (ВЭО) и Екатериной II на материале опубликованных текстов ВЭО. Базой для исследования стал комплекс текстов, опубликованных в «Трудах Вольного экономического общества» в период правления Екатерины II. В риторике ряда членов ВЭО нашли отражение распространенные во второй половине XVIII в. представления о роли монарха в политическом, культурном, экономическом развитии страны. В системе этих представлений самому ВЭО отводилась значимая роль посредника между обществом и верховной властью.
Ключевые слова: XVIII в.; Екатерина II; Вольное экономическое общество; Просвещение; общественное благо.

Вольное экономическое общество было основано в 1765 г. и стало первым легальным общественным учреждением в Российской империи. На протяжении правления Екатерины II ВЭО оставалось единственной общественной организацией, пользовавшейся высочайшим покровительством, чей устав был утвержден самим монархом.

В настоящей работе мы рассмотрим, каким образом и в каких риторических формах это взаимодействие отражалось в текстах авторов ВЭО, опубликованных в основном периодическом издании общества – «Трудах Вольного экономического общества» (далее – «Труды»). Существенной особенностью анализируемых текстов, которую необходимо учитывать, является то, что публиковавшиеся в «Трудах» статьи, как правило, были посвящены практическим вопросам. Упоминания императрицы в большинстве случаев носят характер редких риторических обращений, вкрапленных в специальные тексты экономической (в самом широком смысле этого слова) проблематики. Вместе с тем особый статус ВЭО как единственной легальной общественной организации в Российской империи, находящейся под покровительством императрицы, предопределяет интерес как к специфике этих взаимоотношений, так и к методам, с помощью которых эти отношения выстраивались. Отметим, что ВЭО в своей издательской политике было наделено правом самостоятельно цензурировать свои издания, в том числе и «Труды».

Нами было проанализировано содержание частей периодического издания ВЭО, выходивших в период с 1765 по 1796 г. За этот период ВЭО было выпущена 51 часть «Трудов». 30 частей вышли в период с 1765 по 1775 г. включительно. «Продолжение Трудов ВЭО» с меньшим количеством ежегодных выпусков издавалось с некоторыми перерывами с 1779 по 1794 г. «Новое продолжение Трудов ВЭО» начало выходить с 1795 г. и продолжилось и после смерти Екатерины II. Нами было рассмотрено содержание всех частей, вышедших в царствование Екатерины, и выявлены все фрагменты

текстов, в которых в том или ином аспекте упоминалась императрица. Отметим, что этот вопрос в существующей литературе не рассматривался специально. Тем не менее проблема взаимоотношений императрицы и ВЭО находилась и находится в исследовательском фокусе.

Первым обратил внимание на проблему взаимоотношений императрицы и ВЭО автор первой работы по его истории А.И. Ходнев. Он отметил, что Екатерина видела в экономическом обществе учреждение, которое «разработкою вопросов сельскохозяйственных и экономических должно было готовить все сословия государства к новым правительственным распоряжениям и преобразованиям», и проводила связь между учреждением ВЭО и началом работы над «Уложением» [1. С. 33–34] (Здесь и далее авторские орфография и пунктуация сохранены). Высочайшее покровительство позволяло ВЭО подчеркивать свою независимость от правительственных учреждений и даже игнорировать указ Сената [Там же]. А.И. Ходнев подчеркивает, что императрица хотела получить от ВЭО именно «совет науки», который бы дополнил «мнение депутатов русских» [Там же]. Активное участие ВЭО в решении принципиальных вопросов политики государства А.И. Ходнев объясняет вниманием к нему со стороны императрицы. Характерно, что после 1760-х гг. сотрудничество между экономическим обществом и правительством становится менее тесным.

В работах историков 1970–1980-х гг. учреждение и деятельность ВЭО рассматривались как составная часть политики просвещенного абсолютизма. В.А. Петрова в своем диссертационном исследовании [2] отмечала связь между проводимой Екатериной II в 1760-е гг. политикой просвещенного абсолютизма и высоким статусом ВЭО, который подтверждался тем, что многие представители политической и социальной элиты начала екатерининского правления, такие как Р.Л. Воронцов, Г.Г. Орлов, Г.Н. Теплов, И.Г. Чернышев, были его членами. Впоследствии, указывает В.А. Петрова, по мере охлаждения Екатерины к ее соб-

ственному просветительскому проекту, усугубленного бунтом в Москве в 1771 г. и крестьянской войной 1773–1775 гг., интерес к деятельности ВЭО падает, в результате чего представители элиты более не принимали столь деятельного участия в работе общества. Однако по мере выхода страны из социального и экономического кризиса в 1790-е гг. ВЭО вновь становится востребованным правящим классом, стремившимся реализовать своё классовое господство в условиях перехода к капитализму [3. С. 163]. В связи с этим А.Д. Степанский отмечал, что учреждение ВЭО в первую очередь было связано с политикой императрицы Екатерины II, пытавшейся в 1760–1770-х гг. заигрывать с просветительскими кругами как внутри страны, так и за рубежом [4. С. 87]. А.С. Туманова показывает, что создание ВЭО стало прецедентом и «впервые упорядочило отношения между государством и общественностью, установило главным условием его организованной работы лояльность власти и получение правительственного разрешения» [5. С. 143].

В англоязычной историографии вопрос о взаимоотношениях императрицы и общества, которому она покровительствовала, также неоднократно рассматривался. Джон Браун в одной из своих работ высказал предположение, что для большинства членов ВЭО сам факт их членства был лишь еще одним способом получить одобрение императрицы [6. С. 428]. Джозеф Брэдли отмечает личную заинтересованность императрицы в просветительской деятельности ВЭО. Несмотря на формально «вольный» статус, ВЭО было чрезвычайно зависимо от императрицы, поскольку именно Кабинет осуществлял его финансовую поддержку [7. С. 111–113]. К. Леки в своей работе указывает, что ВЭО, несмотря на свой декларируемый вольный статус, в действительности стало своеобразным «продолжением системы патронажа, свойственной для российской бюрократии», которая замыкалась, в конечном счете, на фигуре монарха [8. С. 379].

В отечественной историографии проблема описания и восприятия образа монарха в публичной культуре второй половины XVIII в. также рассмотрена достаточно подробно [9–13]. В работах последнего времени поднимаются проблемы развития политической коммуникации, формирования системы представлений о политическом и социальном устройстве, вопрос взаимоотношений дворянства и монархии [14, 15]. Одним из способов распространения этих представлений была в том числе и периодическая печать.

Первое публичное обращение к императрице фигурирует в устанавливающих документах ВЭО, в которых оно позиционирует себя в качестве общественной организации. В опубликованном в первой части «Трудов» и предшествующем Уставу «Плане Вольного экономического общества» было отмечено, что «Общество сие, основанное на добровольном соединении Членов, управляться будет само собою», и «в таком намерении они, учредя между собою, Общество к поощрению

Земледелия и Домостроительства, несомненно, надеются, что Ея Императорское Величество их труды без высочайшего Своего покровительства оставить не соизволит» [16. Без пагинации]. В письме от 12 октября 1765 г. основатели общества просят императрицу предоставить им право использовать императорский девиз и печать. В ответном письме Екатерина даровала Вольному обществу свое покровительство и удовлетворила их просьбу о предоставлении императорских символов. Императрица давала Обществу разрешение на использование «императорского герба» и «дозволила внутри онаго поставить собственный Наш девиз, пчелы в улей мед приносящей, с надписью: *Полезное*» [17. Без пагинации]. Само письмо Екатерины впоследствии стало одной из главных «реликвий» Общества. На ежегодных торжественных собраниях, посвященных годовщине его основания, в присутствии полного собрания членов ВЭО члены читали вслух письмо Екатерины «о принятии Вольного Экономического Общества в Высочайшее покровительство» [18. С. 2]. Вскоре эта норма была закреплена в Уставе 1770 г. [19. С. 211].

В своей повседневной деятельности руководство ВЭО также демонстрировало внимание к связанным с императрицей датам. Так, золотую медаль победителю конкурса о вывозе зерна через порт Санкт-Петербурга должны были вручить «в первое собрание после торжественного дня Теизомениства Ея императорского величества» [20. С. 172]. В 13-й части от 1769 г. отмечается, что «Определение о награждении, как выше упомянуто, золотою медалию в 70 червонных, учинено будет в первом полном собрании Общества после 22 сентября 1770 г., яко дня высочайшей коронации Ея Императорского Величества всемиловитейшей нашей Государыни и всещедрой Покровительницы Санктпетербургскаго Экономическаго Общества» [21. С. 122–123]. Отметим также, что первый экземпляр «Трудов» предназначался именно императрице. Почетная обязанность подношения его монарху, как правило, принадлежала президенту ВЭО, и именно в этой функции, по мнению К. Леки, во многом была заключена символическая значимость этой должности [22. С. 45]. На протяжении екатерининского правления место президента, как правило, занимали представители элиты государства, имевшие связи при дворе. В разное время на этом посту были Г.Г. Орлов, Г.Н. Теплов, И.И. Мелиссино, А.И. Бриль. В период 1789–1794 гг. президентом общества был граф Ф.А. Ангальт, «главный начальник» Сухопутного Шляхетского корпуса.

В публикуемых текстах ВЭО мы не найдем свидетельств внутренних дебатов, имевших место в собраниях ВЭО по ключевым вопросам редакционной политики, наиболее значимым из которых был вопрос о публикации работы Беарде. Мы не будем останавливаться на этом вопросе, который был поднят еще А.И. Ходневым [1. С. 20–34] и подробно проанализирован в работах последнего времени [22. С. 98–99].

Отказ от обсуждения вопросов политической и социальной проблематики, навязываемого обществу его покровительницей, альтернативой которому собрание ВЭО видело дискуссии по вопросам преимущественно практического характера, принципиально не повлиял на риторичность текстов, публикуемых в «Трудах». Значительно позднее поступления в адрес ВЭО первого письма, подписанного «И.Е.» (конец 1765 г.), осенью 1766 г., новый секретарь немецкой экспедиции ВЭО статский советник Якоб Штелин в речи, посвященной своему вступлению в члены общества, провозглашает: «Екатерина Алексеевна новая Основательница всех в России благ, подала Сама первой случай к заведению сего полезного Общества. Проницательный Ея разум был уверен, сколько в России сокровищ не известны еще находятся, откровение коих только от попечения и остроты зависило. Любовь Ея к Отечеству желала уже давно ему лучшего употребления оных. Всемиловитвейшее Ея старание о блаженстве подданных Ея, с высоты престола снизошло даже до низшаго земледелия и справляемого домостроительства» [23. С. 189]. Вместе с тем упоминания об императорском покровительстве были достаточно редки именно в 1760-е – начале 1770-х гг. Так, они отсутствуют в 9 из 51 части (Труды. 1766. Ч. 3; 1768. Ч. 9; 1769. Ч. 11, 12; 1770. Ч. 14; 1772. Ч. 22; 1774. Ч. 26–28).

Во второй половине 1770-х гг. они становятся гораздо более частыми. В Предупреждении к 31-й части «Трудов» от 1779 г. ВЭО благодарит Екатерину: «Есть ли Вольное Экономическое общество было в состоянии по сие время издать в 30 частях трудов своих... то сие не иному чему приписать должно, как Высочайшему Покровительству Всеавгустейшия Нашей Монархини, и теми великими благодеяниями, коими сия истинная Мать Отечества с толиким милосердием чрез четырнадцать лет удостоить благоволила сие Общество» [24. С. 9]. Еще через десять лет в «Предупреждении» к 41-й части от 1790 г. панегирик повторяется в сходных выражениях, но теперь его автор подробно описывает, на что именно тратит свои средства Кабинет: «Высочайшему Покровительству Ея Императорскаго Величества, под которым Общество имеет счастье находиться, и приписывать и тем щедротам Всеавгустейшия Монархини, которым собрание наше в состоянии находится печатать свои сочинения, получать разные модели, награждать медалям как сочинителей, так и изобретателей, и доставлять дешевлею ценою книги любителям земледелия» [25. С. IX].

В двух сочинениях конца 1790-х и 1990-х гг. авторы провозглашают, что именно Екатерина была действительным учредителем общества, а не только лишь его покровительницей. Так, бывший губернатор Санкт-Петербурга Степан Ушаков в своей работе «О плодородии озимых» отмечает, что Общество было учреждено императрицей для «полезнейших разных родов изобретений» [26. С. 6]. В ответе Собрания Император-

ского Вольного экономического общества на письмо А.Г. Орлова вновь звучит мысль о том, что Общество было основано лично Екатериной [27. С. 266].

С середины 1780-х гг. члены ВЭО начинают использовать в отношении общества определение «императорское». Впервые обозначение «Императорское экономическое общество» встречается в «Трудах» в 1785 г. в 36-й части журнала [28. С. 95] и потом многократно используется как в опубликованных в «Трудах» письмах, адресованных европейским экономическим и научным обществам, так и в текстах, посвященных практическим вопросам. В тех случаях, когда речь шла о переписке с иностранными научными или экономическими обществами, используются и другие дополнительные определения, как, например, «Российское Императорское Экономическое Общество» в известии о его переписке с «Британским земледельческим обществом» [29. С. 402]. К 1795–1796 гг. определение «Императорское ВЭО» используется фактически повсеместно вместо более распространенного ранее «Вольное экономическое общество».

Отметим, что упоминание высочайшего покровительства служило свидетельством особого статуса ВЭО не только в глазах подданных Екатерины II, но и при контактах с европейскими экономическими и научными обществами. Еще в 1766 г. в речи, посвященной вступлению в ВЭО, статский советник Я. Штелин, сменивший Н. Лемана на посту немецкого секретаря общества, отмечает привилегированное положение ВЭО в сравнении с европейскими экономическими обществами: «...какой великолепной повод ко исполнению вашего старания подает вам почти неограниченное российское государство, и к какому восхищенному поощрению не побуждает сие Общество Всемиловитвейшее благоволение, щедротою преисполненное подкрепление, и высочайшей <...> Екатерины Второй. Преимущества, коими никакое другое Экономическое Общество в Европе похвалиться не может» [23. С. 188–189]. Действительно, для ряда экономических обществ, в частности в Великобритании, получение патронажа было значительной проблемой [30]. Тем не менее на титульных листах частей «Трудов» продолжает использоваться утвержденное Уставом название «Вольное экономическое общество». Корреспонденция, адресованная ВЭО, также отправляется именно «Вольному экономическому обществу в Санкт-Петербург» [31. С. 372]. Использование дополнительных указаний на особый статус ВЭО, видимо, оставалось частной, хотя и получившей распространение, инициативой его авторов.

Развитие публичной сферы в России XVIII в., одним из аспектов которого было распространение печатных изданий, подразумевало интенсификацию процесса политической коммуникации между подданными и монархом, который в то же время предполагал и воспитание нового общества. Б.А. Успенский и В.М. Живов в своей классической работе отметили, что еще в петровскую эпоху «панегирическая литература

переносится из дворца, где она была достоянием узкого придворного круга, на площадь и становится важнейшим элементом идеологического перевоспитания общества [9. С. 286], а литература «соединяется со зрелищем, задача которого – подчеркнуть неограниченный характер самодержавной власти» [Там же]. В.М. Живов также отмечал, что в мифологическом действе, которым, по его мнению, была вся идеология государства, принимала участие не только сама императрица, но и все те, кто был приближен ко двору [10. С. 667–668]. Г.В. Ибнеева считает, что одной из принципиальных задач, которые стремилась решить Екатерина, было выстраивание коммуникации с российским обществом. Целью этой коммуникации, по мнению исследователя, было не только объяснение подданным целей и намерений своего правительства, но и общественное воспитание [32. С. 24]. Р. Уортман предполагает, что Екатерина, не имевшая законных прав на российский престол, легитимизировала свое правление, указывая на совершенные ею деяния на благо России [12. С. 153].

Риторические декларации, представляющие императрицу в качестве примера для патриотически настроенных подданных, можно проследить в публикуемых в «Трудах» текстах с самого начала их издания. Панегирики, написанные членами ВЭО и представляющие императрицу в качестве Матери Отечества, движимой чувством любви к своей державе и её подданным, в своих риторических приемах, по сути, повторяют речь, произнесенную новгородским архиепископом Дмитрием при коронации Екатерины в 1763 г. [Там же. С. 160]. Так, в Уставе общества особо оговаривается, что «Вседражайшая наша Монархиня и Матерь Отечества, полагая главнейшее Свое упражнение в изыскании всего того, что способствовать может благосостоянию верных Ея подданных, представляет неусыпным своим Трудом <...> которым подражать долг к Отечеству всякому истинному патриоту повелевает» [33. Без пагинации]. В этой риторике находят свое выражение новые представления дворян о характере политической власти в стране, и о «должном», выявленные в работе К.Д. Бугрова как способность монарха достигать общественного блага [34. С. 31].

Роман Воронцов в статье «О заведении запасного хлеба» пишет: «Я надеюсь, что дворянство и имеющие у себя в ведомстве крестьян, взирая на неусыпное попечение Ея Императорского Величества всемилоостивейшей нашей Государыни, которая во все пределы Своея обширныя Империи простирая Высокомонарший свой взор, по великим Своим для пользы Отечества подъемным трудам, не оставляет призывать и на самые малые вещи и течения дел, устремляя разныя к благосостоянию нашему полезные учреждения» [35. С. 4].

Автор «Дружеских советов благородным сельским жителям», опубликованных в 1767 г., в сходной манере отмечает, что «Великая Екатерина Вторая, по неопианным щедротам снисходит с своего Императорского

престола, и касается освященными Своими руками до опытов в земледелии», и подчеркивает, что императрица заботится о благополучии не только высших слоев общества, но и всех прочих подданных: «От ныне умолкнет неистовая гордость, презирать в низости живущих поселян, когда Великая Екатерина сама признает важность их трудов... и колико они к благосостоянию своего любезнаго отечества споспешествуют. Не их ли руками сооружаются великолепные дома, и почти до облак возвышающиеся олтари?» [36. С. 15].

Отметим, что риторический призыв автора «Дружеских советов» обращен именно к «земледельцам» и подразумевает, что и они должны руководствоваться той же системой мотивации, что и дворяне, т.е. ожиданием признания монархом их добровольной и честной службы. Примечательно, что риторика автора «Дружеских советов» во многом совпадает с риторикой самой императрицы в XII и XIII главах «Наказа» в параграфах, посвященных земледелию, и с общим духом этого документа, подразумевавшего, пользуясь определением К.Д. Бугрова, что «монарх, выступая в качестве суперарбитра, будет практически для всех депутатов Комиссии единственной инстанцией, способной по достоинству оценить заслуги и воздать за них сторицей» [34. С. 31].

В Уставе ВЭО 1770 г. это подчеркивается еще раз: «Вседражайшая наша Монархиня и Матерь Отечества, полагая главнейшее Свое упражнение во изыскании всего того, что способствовать может благосостоянию верных Ея подданных, представляет неусыпным своим трудом и попечением такие примеры, которым подражать долг к Отечеству всякому истинному Патриоту повелевает, Сии самые примеры подали повод к учреждению в Санктпетербурге Экономического Общества, коего Члены обязались соединенными силами обращать свои труды на разпространение в Отечестве полезных о земледелии и домостроительстве знаний» [19. С. 191].

В ответе на задачу Общества об «удобрении земли в Копорском уезде без сжения кубышей», который занимает значительную часть 19-й части Трудов ВЭО за 1771 г., пастор Грасман, один из постоянных авторов ВЭО, отмечает такие качества императрицы, как «кротость» и «человеколюбие», которые «до самого последнего подданаго простираются», и всякий из этих подданных, очевидно, в благодарности за милостивое отношение готов «исполнять всеми силами намерения всемилоостивейшей своей Государыни» [37. С. 36].

Отметим, что и это обращение направлено, как следует из контекста, не членам ВЭО или настоящим читателям «Трудов», а вновь крестьянам. Подчеркнем, что в очередной раз проговаривается тот же тезис: в благодарности за выдающиеся человеческие качества императрицы подданные готовы исполнять её пожелания, направленные в конечном счете на достижение общего блага. Таким образом, труд крестьянина, как и служба дворянина, рассматривается как «добродетель,

мотивированная публичным признанием и милостью государя» [15. С. 147].

Члены общества не устают возносить хвалу императрице и за ее покровительство просвещению, и внимание к насущным проблемам России. В ответе доктора Бахерахта на задачу о падеже рогатого скота в Санкт-Петербургской губернии, опубликованном в 21-й части «Трудов» от 1772 г., он отмечает, что основная причина заразных болезней животных кроется в неосторожности, нерадении и незнании, примером чего Бахерахт видит вспышку чумы в Москве в 1771 г.: «...во время бывшей в Москве заразительной болезни, которая по не знанию и небрежению вдруг усилилась, но превосходными распоряжениями нашей Премудрой Монархиня, толь же скоро истреблена во время вредного ея действия» [38. С. 7]. В 24-й части «Трудов» в статье о «Прибыточном роде хлеба» итальянец Иосиф Боногурий еще раз отмечает экстраординарность того, что императрица снизошла до проблем земледелия: «Тот государь, который снизойти благоволит до управления скипетродержавными руками земледельческого орудия, и хотя единожды в год с хлебопашцами беседующий, весьма увеличит пред другими государство свое» [39. С. 9].

В уже цитированной выше работе Степан Ушаков, предваряя содержательную часть своего сочинения, обращается лично к императрице, провозглашает, что сподвигнуть его на полезную отечеству деятельность помог пример императрицы, и, прося её принять свой труд, обещает посвятить «прочую жизнь мою на изыскание и открытие других польз, в неизвестности по причине нерадения земледельцов доселе остававшихся, или, справедливее сказать, самих помещиков, которые особливо к тому все способы иметь могут» [26. С. 6]. В 31-й части за 1779 г. асессор Алексей Репьев во вступительной речи отмечает, сколь много императрица сделала благодеяний для России, в том числе и покровительствуя экономическому обществу. Россия пользуется добытыми Екатериной победами в войнах и миром, и спокойствием, восстановленными ею внутри страны [40. С. 153]. Мотив мира, спокойствия и внутреннего благодеяния, охраняемых императрицей, был вновь подхвачен в 34-й части Трудов автором «Опытов поправления крестьянских жилищ»: «Она воспримет не токмо от потомков державы Ея достойное благодарение из уст младенцев и сединами покрытых старцев; но и прочие племена воздадут Ей жертву хваления за спокойствие и внутреннее благодеяние» [41. С. 200]. Упоминания событий внешней политики едва ли характерны для «Трудов», однако в 37-й части за 1787 г. Данила Писчеков в работе о перечищении поваренной соли отметил, что соляным промыслом занимаются особенно усердно в южных областях России, чему способствует обилие соли. «Умножение сего действительного в России богатства от часу умножается, а особливо приобретением Таврической области, под счастливым владением Великия Облада-

тельница Екатерины II к изобилию и благосостоянию подданных» [42. С. 4].

В 1791 г., пользуясь щедрым финансированием Кабинета и желая распространить плохо продававшиеся «Труды», руководство ВЭО выделило средства на покупку для десяти городов Санкт-Петербургской губернии экономических сочинений: «По сношении с приказом Общественного призрения, отдаст он в градские училища, Всемилостивейшим Ея Императорского Величества о просвещении верноподданных своих промыслом устроенные, дабы учителя в свободное время поощряли учеников своих такие полезные сочинения прочитывать...» [43. С. 86–87]. Кроме того, отмечалось, что сам факт наличия этих журналов в библиотеке училища будет «залогом почтения его к Вольному Экономическому Обществу, и глубочайшего благоговения ко Всемилостивейшей Монархине, Покровительнице онаго» [Там же. С. 87].

В риторике членов ВЭО использовались формулировки, сходные с теми, которые были выработаны еще на заре екатерининского правления. Р. Уортман отмечает, что пафос речи вице-канцлера Александра Голицына, посвященной вступлению Екатерины на престол, предполагал, что «подписанная ими (подданными. – К.П.) присяга обязала их жить и действовать так же самоотверженно, как и сама императрица» [12. С. 175]. В то же время стоит отметить, что в «Трудах» Екатерина почти не сравнивается с Петром и другими предшественниками, что было характерно для многих других текстов, составляющих собой пространство легитимации власти [14. С. 297].

Одним из аспектов развития системы представлений о монархии в XVIII в. в России было обожествление монарха, исследованное в классических работах Б.А. Успенского и В.М. Живова. В работе К.Д. Бугрова также отмечается «характерная для панегиристов манера говорить о монархии как о режиме движения к всеобщему благоденствию, основанная на трансцендентных качествах монарха» [34. С. 30]. Так, в своей речи по случаю вступления в ВЭО, опубликованной в первой части трудов, З.Г. Чернышев отмечает, что благодаря Екатерине Отечество может «присоединить к славе его военных триумфов и богатство его жатвы» [44. С. 175], а сама императрица «к Минервину щиту соединяет и Церерин серп» [Там же]. Отметим следующее: несмотря на то что Екатерина правила Россией только три года и ВЭО было учреждено менее года назад, «богатство жатвы» уже успело проявиться.

В работе «О приготовлении навоза» магистра Регенбургера содержится любопытное определение Бога как «предводителя всех экономических обществ»: «О! сколь великое бы получил сей пленяющий вид приращение, естлиб еще к тому наибольший економ, предводитель всех экономических обществ, властитель властителей, всемогущий зиждитель, для славы России и для вечно незабвенной похвалы нашей Вседержавнейшей Государыни Екатерины Великой против врагов Ея

исторгнутые мечи преславным вечным миром, в серпы и плуги обратил, радость бы о том была всеобщая, она являлась бы в отдаленнейших местах пространной России; любовь, дружба, прилежание и усердие на всех полях и лугах являло бы неусыпное трудолюбие земледельцов...» [45. С. 170].

В 21-й части «Трудов» от 1772 г. в работе о прививании оспы отмечается и то, что первыми в Отечестве прививку от этой болезни сделали сама императрица и, «подражая ей», наследник престола. Это событие, по мнению автора статьи, отражало заботу Екатерины не только о народе Империи, но и о всем человечестве [46. С. 66]. Сюжет, связанный с оспопрививанием монаршей особы и наследника престола, появится на страницах Трудов еще несколько раз. В 25-й части «Трудов», вышедшей в 1773 г., Федор Пассек посвящает императрице панегирик, сравнивая Екатерину с античными героями: «Не надобно нам себя относить до баснословных времен, и не нужны нам примером ни Кодр, ни Курий <...> ни Селевк, ни Брут <...> всех превосходит в то наша Великая Монархиня. Она к сохранению жизни своих подданных несла свою собственную и дражайшего своего Наследника жизнь» [47. С. 78]. Затем следует риторический вопрос: «Которое Европейское государство то может нам показать?» Своими учреждениями, утверждает Ф. Пассек, Екатерина воздвигла себе «неразрушающийся монумент». В части 29-й от 1775 г. в работе «Определение земли на одно крестьянское тягло» П. Грасман еще раз напоминает читателям трудов ВЭО о жертве императрицы на благо своих подданных: «Обоготворенная подданными своими Екатерина отдает себя, и единого своего сына, пресветлейшего наследника престола, на жертву; дабы своим первым примером приведенному в ужас подданному подать наставление, сколь неустрашима сия прелюбезнейшая Монархиня, и сколь она готова не щадить и жизни своей, когда благоденствие Государства того востребует!» [48. С. 26]. Можно воспользоваться определением В.М. Живова и отметить «мифологический» характер образа Екатерины в этих текстах, на страницах которых императрица «вырастала в фигуру космического значения».

Риторика авторов ВЭО, обращенная к императрице, отражает как принятые в среде интеллектуалов того времени представления о сущности и задачах монархического правления, так и саму манеру говорить о них. В работах членов ВЭО подчеркиваются трансцендентные качества императрицы, благоденствия, которые она совершила для своей державы и своих подданных. В заботе о процветании России она покровительствует экономическому обществу и поощряет патриотическую и *полезную* деятельность его членов. Отблески славы, окружавшей самодержицу, падали и на её экономическое общество. В публикациях ВЭО имплицитно, а иногда и открыто подчеркивается необходимость просвещать и воспитывать российское общество. Когда Роман Воронцов рекомендовал помещикам брать при-

мер с императрицы и «призывать малые вещи», а Степан Ушаков обвинял их в том, что они предпринимая недостаточные усилия к «открытию пользы», трудно не увидеть в этой риторике одновременно и попытку поставить ВЭО в качестве своеобразного медиатора между российским обществом и императрицей. Учрежденное императрицей для разработки проблем земледелия и домостроительства ВЭО в своей риторике стремится предстать в качестве модели, в рамках которой возможно реализовать свои верноподданнические и патриотические намерения.

В работе Г.В. Ибнеевой отмечается, что в романе «Велизарий» Мармонтеля, одна глава из которого была переведена самой императрицей, подчеркивается идея о союзе монарха и народа [32. С. 26]. Вольное экономическое общество в своей риторике пыталось взять часть реализации этой идеи на себя, протянув мост между земледельцами, помещиками и монархом. Вместе с тем реальная деятельность ВЭО, отказывавшегося в 1766 г. и позднее от обсуждения фундаментальных проблем социально-экономического развития России, шла в разрез с позицией императрицы. Примечательно, что на протяжении второй половины XVIII в. реальная значимость и статус ВЭО в глазах правящей элиты постепенно снижались. Если в 1760-е гг. представители генералитета часто присутствовали на собраниях общества, активно участвовали в его деятельности, то к концу царствования их вклад становится мизерным [8. С. 373].

Отношения с верховной властью в середине 1790-х гг., несмотря на все более панегирическую риторику, также начали ухудшаться. В 1794 г. Екатерина прекратила финансировать издательскую деятельность ВЭО [49. С. 348]. В апреле 1795 г. в письме к барону Фридриху Мельхиору Гримму она в резкой форме раскритиковала ВЭО за то, что его издания плохо продавались, а объявляемые им конкурсы и задачи были названы ею бесполезными [8. С. 373]. Фокусировка ВЭО на практических вопросах, столь характерная для экономических обществ Европы в целом, в итоге вызвала раздражение его покровительницы, несмотря на то что и после 1760-х гг. она обращалась к ВЭО для перевода специальной литературы и консультаций по практическим вопросам хозяйственной деятельности.

В правление Павла I ВЭО, как и многие другие проекты Екатерины II, оказалось невостребованным новым правителем. Несмотря на все попытки, предпринятые членами ВЭО с целью заручиться поддержкой нового императора, Павел I так и остался глух к членам общества, из-за чего в конце XVIII в. президент-сановник П.Б. Пассек и вовсе перестал заниматься делами ВЭО [22. С. 121]. Между тем риторика ВЭО в отношении монарха осталась той же. Инерция была такова, что на страницах единственной вышедшей в правление Павла части «Трудов» от 1798 г. Общество по-прежнему именовалось некоторыми авторами «императорским», а секретарь общества Андрей Нартов в своей торжествен-

ной речи перед чрезвычайным собранием ВЭО в день рождения императора заявил, что «Священным Великия Екатерины глаголом восприяло оно (ВЭО. – К.П.) первое бытие свое; Ея щедротою оно утвердилось и укрепилось; Ея защитою и покровом оно возвысилось и распространилось, а Великий Павел даровал оному нынешнее его существование» [49. С. 375].

Вместе с тем такие элементы риторики авторов ВЭО во второй половине XVIII в., как обожествление

монарха, представления о достижении всеобщего благоденствия, уходят на рубеже веков вместе с той культурной традицией, на которой они были основаны [10. С. 674]. После восшествия на престол Александра I ВЭО было вновь даровано императорское покровительство и финансирование. Риторика лояльности, прочно вошедшая в лексикон авторов ВЭО с 1780-х гг., стала непременным атрибутом риторики ВЭО и в первой половине XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ходнев А.И. История Императорского Вольного экономического общества с 1765 до 1865 года. СПб., 1865.
2. Петрова В.А. Вольное экономическое общество как проявление просвещенного абсолютизма : дис. ... канд. ист. наук. Л., 1980.
3. Петрова В.А. Иностранная корреспонденция Вольного экономического общества во второй половине XVIII в. // Из истории феодальной России. Статьи и очерки (к 70-летию со дня рождения проф. В.В. Мавродина). Л., 1978. С. 162–171.
4. Степанский А.Д. История научных учреждений и организаций дореволюционной России. М., 1987.
5. Туманова А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008.
6. Brown J.H. The Free Economic Society and the Nobility, 1765–96: Some Observations // Canadian-American Slavic Studies. 1980. Vol. 14, No 3. P. 427–435.
7. Брэдли Дж. Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество. М., 2012.
8. Leckey C. Patronage and Public Culture in the Russian Free Economic Society, 1765–1796 // Slavic Review. 2005. Vol. 64, No. 2. P. 355–379.
9. Живов В.М., Успенский Б.А. Царь и Бог (семиотические аспекты сакрализации монарха в России) // Избранные труды. М., 1996. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры.
10. Живов В.М. Государственный миф в эпоху просвещения и его разрушение в конце XVIII века // Из истории русской культуры. 2-е изд. М., 2000. Т. IV : (XVIII – начало XIX века).
11. Кагарлицкий Ю.В. Сакрализация как прием: ресурсы убедительности и влияния имперского дискурса в России XVIII века // НЛО. 1999. № 38.
12. Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2002. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I.
13. Польской С.В. Конституция и фундаментальные законы в русском политическом дискурсе XVIII века // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода : в 2 т. / науч. ред.: А.И. Миллер, Д. Сдвижков, И. Ширле. М. : Новое лит. обозрение, 2012. Т. 1. С. 94–150.
14. Ибнеева Г.В. Коммуникативное пространство церемониала путешествий Екатерины II // Модернизация культуры: порядки и метаморфозы коммуникации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. С.В. Соловьевой, В.И. Ионесова, Л.М. Артамоновой. Самара, 2015. С. 296–301.
15. Бугров К.Д. «Камень, служащий основанием государству»: монархическая форма правления и особый статус дворянства в политической мысли России XVIII в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2015. № 4 (145). С. 143–156.
16. План // Труды Вольного Экономического Общества (далее – Труды). 1765. Ч. 1.
17. Письмо Ея Императорскаго Величества к Вольному Экономическому Обществу // Труды. 1765. Ч. 1.
18. О произшедшем 30 Октября 1770 года празднестве Вольного Экономического Общества // Труды. 1770. Ч. 16.
19. Устав Вольного Экономического Общества // Труды. 1771. Ч. 17.
20. Объявление // Труды. 1765. Ч. 1.
21. Задача // Труды. 1769. Ч. 13.
22. Leckey C. Patrons of Enlightenment. The Free Economic Society in Eighteenth-Century Russia // Canadian Slavonic Papers. 2012. September 1.
23. Речь Статскаго Советника Штелина при вступлении его в Вольное Экономическое Общество // Труды. 1766. Ч. 4.
24. Предупреждение // Труды. 1779. Ч. 31.
25. Предупреждение // Труды. 1790. Ч. 41.
26. Его Превосходительства Господина Сенатора и Кавалера Степана Федоровича Ушакова сочинение о плодородии озимаго хлеба // Труды. 1773. Ч. 23.
27. Ответ на письмо Его Сиятельства Г. Генерала-Аншефа... Алексея Григорьевича Орлова Чесменскаго // Труды. 1793. Ч. 48.
28. О лутчем корме и присмотре коров // Труды. 1785. Ч. 36.
29. Продолжение известий 1793 года // Труды. 1795. Ч. 50.
30. Stapelbroek K., Marjanen J. Political Economy, Patriotism and the Rise of Societies // The Rise of Economic Societies in the Eighteenth Century / eds. by K. Stapelbroek, J. Marjanen. Palgrave Macmillan, 2012.
31. Объявление // Труды. 1796. Ч. 51.
32. Ибнеева Г.В. Общественное воспитание в политической практике Екатерины II: к истории перевода романа Ж.Ф. Мармонтеля «Велизарий» // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2014. Т. 9. С. 24–29.
33. Устав Вольного Экономического Общества // Труды. 1765. Ч. 1.
34. Бугров К.Д. «За добродетель воздаяние, а за беззаконие казнь»: проблемы функционирования правового политического языка в российской общественной мысли XVIII в. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8, № 3/2. С. 27–33.
35. О заведении запасного хлеба // Труды. 1766. Ч. 2.
36. Дружеские советы благородным сельским жителям... // Труды. 1767. Ч. 6.
37. Господина Пастора Грасмана сочинение на задачу о одобрении земли в Копорском уезде... // Труды. 1771. Ч. 19.
38. Господина Доктора Бахерахта сочинение на заданную для решения задачу о падеже рогатого скота // Труды. 1772. Ч. 21.
39. Способ к размножению нужнейшаго и прибыточнейшаго рода хлеба в Российской империи // Труды. 1773. Ч. 24.
40. Благодарительная к Обществу речь // Труды. 1779. Ч. 31.
41. Опыт поправления крестьянских жилищ // Труды. 1783. Ч. 34.
42. О новом способе перечищения поваренной соли // Труды. 1787. Ч. 37.
43. Произшествия Вольного Экономического Общества // Труды. 1791. Ч. 44.

44. Речь, говоренная в собрании при вступлении в Вольное Экономическое Общество... Захаром Григорьевичем Чернышевым // Труды. 1765. Ч. 1.
45. О приготовлении навоза // Труды. 1771. Ч. 18.
46. Его же Господина Бахарахта описание и наставление о прививании оспы // Труды. 1772. Ч. 21.
47. О прививании оспы // Труды. 1773. Ч. 25.
48. Определение земли на одно крестьянское тягло // Труды. 1775. Ч. 29.
49. Речь Его Превосходительства Андрея Андреевича Нартова о пользе минералогии в отношении к хлебопашеству // Труды. 1798. Ч. 52.

Petrikov Konstantin A. Moscow State University (Moscow, Russia). E-mail: konpetrk@gmail.com

«IMPERIAL SOCIETY»: RELATIONSHIP BETWEEN CATHERINE II AND THE FREE ECONOMIC SOCIETY IN THE «TRUDY».

Keywords: Catherine II; Free economic society; Enlightenment; common good; legitimacy.

In this article the author considers the interaction between Catherine II and the Free Economic Society (VEO), the first public organization in Russia through the prism of the texts published by various members and authors in its periodical “Trudy”. The content of 51 volumes of VEO periodical published from 1765 to 1796 was analyzed. The author expressly stipulates that though the content of “Trudy” articles was largely devoted to practical and economic issues and rhetorical appeal to the Empress was rather sporadic, the unique status of VEO being the only public organization in Russia, should be taken into account. It shared special relationships with the monarch, who for almost 30 years, financially supported VEO publication. Firstly the author examines the attitude of members of VEO to the Empress as the founder and patron of the society. It is noted in the first volume of “Trudy” that 15 founders of the Society asked the Empress to become its patron, to which she responded positively and gave the Society her characters: her personal coat of arms, seal and motto. In their official texts VEO members praised the Empress for her support as a patron. At the turn of the 70s–80s of the XVIII century in the rhetoric of members of the VEO drastically enhanced panegyric rhetoric. Society is often referred to as imperial (alongside with the more common and traditional ‘free’). And Catherine herself is now referred to by some authors like A.G. Orlov as the only true founder of the VEO. Secondly the author examines the problems linked with the development of public sphere in Russian Empire, one of the most crucial factors in which were printing and reading books, newspapers and periodicals. The authors of VEO rhetoric appeals meant to spread the idea of the monarch as a guarantor of achieving the common good and simultaneously an example to all of her subjects. It is also noteworthy that in the texts of VEO authors the rhetoric which celebrated the labour as a way to achieve monarchs recognition were applied not only to noblemen, but to the peasants too. In general this rhetoric derives from Catherine’s II Instruction (Nakaz). In the texts published in “Trudy” a special emphasis was given to the Empress’s intention to enlighten her subjects. In conclusion, the author notes that the VEO has sought to move closer to the Empress, sharing and translating the most important points of her program. VEO has sought to act as a mediator, an intermediary between the Empress and society. These efforts weren't supported by real progress in Empress’s point of view, since the sale of works remained low. Eventually Catherine has cooled to the VEO and stop financing its publishing activity.

REFERENCES

1. Khodnev, A.I. (1865) *Istoriya Imperatorskogo Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva s 1765 do 1865 goda* [The history of the Imperial Free Economic Society from 1765 to 1865]. St. Petersburg: Tip. t-va “Obshchestv. pol'za”.
2. Petrova, V.A. (1980) *Vol'noe ekonomicheskoe obshchestvo kak proyavlenie prosveshchennogo absolyutizma* [Free Economic Society as a manifestation of Enlightened Absolutism]. History Cand. Diss. Leningrad.
3. Petrova, V.A. (1978) Inostrannaya korrespondentsiya Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva vo vtoroy polovine XVIII v. [Foreign correspondence of the Free Economic Society in the second half of the 18th century]. In: Ezhov, V.A. (ed.) *Iz istorii feodal'noy Rossii. Stat'i i ocherki (k 70-letiyu so dnya rozhdeniya prof. V.V. Mavrodina)* [From the history of feudal Russia. Articles and essays (to the 70th anniversary of the birth of Professor V.V. Mavrodin)]. Leningrad: Leningrad State University. pp. 162–171.
4. Stepankiy, A.D. (1987) *Istoriya nauchnykh uchrezhdeniy i organizatsiy dorevolutsionnoy Rossii* [The history of scientific institutions and organizations of pre-revolutionary Russia]. Moscow: Moscow State Historical and Archival Institute.
5. Tumanova, A.S. (2008) *Obshchestvennye organizatsii i russkaya publika v nachale XX veka* [Public organizations and the Russian public in the early 20th century]. Moscow: Novyy khronograf.
6. Brown, J.H. (1980) The Free Economic Society and the Nobility, 1765–96: Some Observations. *Canadian-American Slavic Studies*. 14(3). pp. 427–435. DOI: 10.1163/221023980X00472b
7. Bradley, J. (2012) *Obshchestvennye organizatsii v tsarskoy Rossii: nauka, patriotizm i grazhdanskoe obshchestvo* [Public organizations in tsarist Russia: Science, patriotism and civil society]. Translated from English by M. Golybina. Moscow: Novyy khronograf.
8. Leckey, S. (2005) Patronage and Public Culture in the Russian Free Economic Society, 1765–1796. *Slavic Review*. 64(2). pp. 355–379. DOI: 10.2307/3649988
9. Zhivov, V.M. & Uspenskiy, B.A. (1996) Tsar' i Bog (semioticheskie aspekty sakralizatsiya monarkha v Rossii) [Tsar and God (semiotic aspects of monarch sacralisation in Russia)]. In: Uspenskiy, B.A. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Vol. 1. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
10. Zhivov, V.M. (2000) Gosudarstvennyy mif v epokhu prosveshcheniya i ego razrushenie v kontse XVIII veka [The state myth in the era of Enlightenment and its destruction in the late 18th century]. In: Lotman, Yu.M., Zhivov, V.M., Averintsev, S.S., Panchenko A.M. et al. *Iz istorii russkoy kul'tury* [From the history of Russian culture]. 2nd ed. Vol. 4. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
11. Kagarlitskiy, Yu.V. (1999) Sakralizatsiya kak priem: resursy ubeditel'nosti i vliyatel'nosti imperskogo diskursa v Rossii XVIII veka [Sacralisation as reception: Resources of persuasiveness and influence of imperial discourse in Russia of the 18th century]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 38.
12. Wortman, R.S. (2002) *Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoy monarkhii* [Scenarios of power. Myths and ceremonies of the Russian monarchy]. Vol. 1. Translated from English by S.V. Zhitomirsky. Moscow: OGI.
13. Pol'skoy, S.V. (2012) Konstitutsiya i fundamental'nye zakony v russkom politicheskom diskurse XVIII veka [The Constitution and fundamental laws in Russian political discourse of the 18th century]. In: Miller, A.I. Sdvizhkov, D. & Shirle, I. (eds) “*Ponyatiya o Rossii*”: *K istoricheskoy semantike imperskogo perioda* : v 2 t. [Concepts of Russia: To the historical semantics of the imperial period: In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 94–150.
14. Ibneeva, G.V. (2015) Kommunikativnoe prostranstvo tseremoniala puteshestviy Ekateriny II [Communicative space of Catherine II's ceremonial travel]. In: Solovieva, S.V., Ionesov, V.I. & Artamonova, L.M. (eds) *Modernizatsiya kul'tury: poryadki i metamorfozy kommunikatsii* [Modernization of culture: Order and metamorphosis of communication]. Samara: Samara State Institute of Culture. pp. 296–301.
15. Bugrov, K.D. (2015) “The Cornerstone of the State”: Monarchical Form of Government and Nobility's Special Status in the Political Thought of 18th Century Russia. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnye nauki – Izvestia of the Ural Federal University. Series 2. Humanities and Arts*. 4(145). pp. 143–156. (In Russian).

16. Anon. (1765a) Plan [Plan]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 1.
17. Anon. (1765b) Pis'mo Eya Imperatorskago Velichestva k Vol'nomu Ekonomicheskomu Obshchestvu [Letter from Her Imperial Majesty to the Free Economic Society]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 1.
18. Anon. (1770) O proizkhodivshem 30 Oktyabrya 1770 goda prazdnestve Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva [On the October 30, 1770 Festival of the Free Economic Society]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 16.
19. Anon. (1771a) Ustav Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva [Charter of the Voluntary Economic Society]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 17. pp. 190-213.
20. Anon. (1765c) Ob'yavlenie [Announcement]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 1.
21. Anon. (1769) Zadacha [Objectives]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 13.
22. Leckey, C. (2011) *Patrons of Enlightenment. The Free Economic Society in Eighteenth-Century Russia*. University of Delaware Press.
23. Stelin, J. (1766a) Rech' Statskago Sovetnika Shtelina pri vstuplenii ego v Vol'noe Ekonomicheskoe Obshchestvo [The speech of Councillor of State Shtelin upon his entry into the Free Economic Society]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 4. pp. 187-197.
24. Anon. (1779a) Preduverdomlenie [Preface]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 31.
25. Anon. (1790) Preduverdomlenie [Preface]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 41.
26. Ushakov, S.F. (1773) Ego Prevoskhoditel'stva Gospodina Senatora i Kavallera Stepana Fedorovicha Ushakova sochinenie o plodorodii ozimago khleba [His Excellency Mr. Senator and Chevalier Stepan Fedorovich Ushakov, an essay on winter cereals]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 23.
27. Anon. (1793a) Otvet na pis'mo Ego Siyatel'stva G. Generala-Anshefa... Alekseya Grigor'evicha Orlova Chesmenskago [Reply to the letter of His Excellency G. General-Anshef Alexei Grigorievich Orlova Chesmensky]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 48.
28. Anon. (1785) O lutchem korme i prismothe korov [About better feed and supervision of cows]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 36.
29. Anon. (1793b) Prodolzhenie izvestiy 1793 goda [Continuation of the news of 1793]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 50.
30. Stapelbroek, K. & Marjanen, J. (2012) Political Economy, Patriotism and the Rise of Societies. In: Stapelbroek, K. & Marjanen, J. (eds) *The Rise of Economic Societies in the Eighteenth Century*. London: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/9781137265258
31. Anon. (1796) Ob'yavlenie [Announcement]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 51.
32. Ibneeva, G.V. (2014) Public Education in the Politics of Catherine II: On the history of translation of the novel "Bélisaire" by J.F. Marmontel. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. Istoriya – Izvestia of the Ural Federal University. Series History*. 9. pp. 24–29. (In Russian).
33. Anon. (1765d) Ustav Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva [Charter of the Free Economic Society]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 1.
34. Bugrov, K.D. (2016) "A reward for virtue, and a penance for iniquity": The problems of functioning of the legal political language in the 18th century Russian public thought. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' – Historical and social-educational ideas*. 8(3/2). pp. 27–33. (In Russian). DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-3/2-27-33
35. Anon. (1766b) O zavedenii zapasnogo khleba [On spare bread]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 2.
36. Anon. (1767) Druzheskie sovery blagorodnym sel'skim zhitelyam . . . [Friendly advice to noble villagers . . .]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 6.
37. Grasman. (1771) Gospodina Pastora Grasmana sochinenie na zadachu o udobrenii zemli v Koporskom ueзде . . . [Pastor Grasman's essay on fertilizing soil in Koporsky Uyezd . . .]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 19.
38. Bakherakht. (1772) Gospodina Doktora Bakherakhta sochinenie na zadannuyu dlya resheniya zadachu o padezhe rogatogo skota [Dr. Bacheracht's essay on distemper]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 21.
39. Anon. (1773) Sposob k razmnozheniyu nuzhneyshago i pribytochneyshago roda khleba v Rossiyskoy imperii [The reproduction of the most necessary and profitable bread in the Russian Empire]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 24.
40. Anon. (1779b) Blagodaritel'naya k Obshchestvu rech' [A word of gratitude to the Society]. In: *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 31.
41. Anon. (1783) Opyt popravleniya krest'yanskih zhilishch [On improvement of peasant dwellings]. In: *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 34.
42. Anon. (1787) O novom sposobe perechishcheniya povarennoy soli [On a new method for purifying sodium chloride]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 37.
43. Anon. (1791) Proizshestviya Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva [Events of the Free Economic Society]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 44.
44. Chernyshev, Z.G. (1765e) Rech', govorenaya v sobranii pri vstuplenii v Vol'noe Ekonomicheskoe Obshchestvo... Zakharom Grigor'evichem Chernyshevym [Speech delivered by Zakhar Grigoryevich Chernyshev in the meeting when joining the Free Economic Society]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 1.
45. Anon. (1771b) O prigotovlenii navoza [On the preparation of manure]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 18.
46. Bakherakht. (1773) Ego zhe Gospodina Bakherakhta opisaniye i nastavleniye o privivanii ospy [Bacheracht's description and instruction about the vaccination of smallpox]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 21.
47. Anon. (1773) O privivanii ospy [On inoculation of smallpox]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 25.
48. Anon. (1775) Opreделение zemli na odno krest'yanskoe tyaglo [Land for one peasant tax]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 29.
49. Nartov, A.A. (1798) Rech' Ego Prevoskhoditel'stva Andreya Andreevicha Nartova o pol'ze mineralogii v otnoshenii k khlebopashstvu [His Excellency Andrei Andreevich Nartov on the benefits of mineralogy in relation to the cultivation of crops]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 52.